

Эдвард Радзинский

Продолжение Дон Жуана

Часть сборника
Пьесы

Эдвард Радзинский

Продолжение Дон Жуана

«АСТ»

1978

Радзинский Э. С.

Продолжение Дон Жуана / Э. С. Радзинский — «АСТ», 1978

ISBN 978-5-457-20768-4

«Комнатка с фотографиями была какая-то бездонная. Хотя солнце било прямыми лучами и окна были раскрыты - в конце комнатки царил густейший полумрак. И тут, в полумраке, начинались подвохи: в багетных рамах были выставлены гигантские фотографии женщин в натуральную величину. И то ли из-за неясности света, то ли из-за размеров, - но казалось, будто в рамах стоят отнюдь не фотографии, а самые что ни на есть натуральные женщины. Таково было это помещенье, залитое полуденным солнцем. И вот в нем, за письменным столом, у окна, потонув в солнечных лучах, - сидел добродушнейший субъект. Русоволосый, ясноглазый, румяный, моложавый, но как-то ненадежно моложавый...»

ISBN 978-5-457-20768-4

© Радзинский Э. С., 1978

© АСТ, 1978

Эдвард Станиславович Радзинский

Продолжение Дон Жуана

В полдень над городом нависло страшное июльское солнце. Сквозь распахнутые окна лилось оно в некую комнатку, на фотографии, развешанные по стенам. На фотографиях этих запечатлены были весьма забавные сцены: например, молодой человек целовал юную особу и сам же (!) из-за спины особы грозил себе пальцем; или зрелый мужчина и зрелая особа предавались поцелуям – и уже зрелый мужчина, воспарив над собою, – укоризненно грозил себе же пальцем; или печальный брюнет здоровался с самим собою, но уже с лицом самым развеселым. Под всеми этими художествами торчала рекламная полоска с надписью: «Двойное фото. Заказы принимаются на 25-е».

Комнатка с фотографиями была какая-то бездонная. Хотя солнце било прямыми лучами и окна были раскрыты – в конце комнатки царил густейший полумрак. И тут, в полумраке, начинались подвохи: в багетных рамах были выставлены гигантские фотографии женщин в натуральную величину. И то ли из-за неясности света, то ли из-за размеров, – но казалось, будто в рамах стоят отнюдь не фотографии, а самые что ни на есть натуральные женщины. Таково было это помещенье, залитое полуденным солнцем.

И вот в нем, за письменным столом, у окна, потонув в солнечных лучах, – сидел добродушнейший субъект. Русоволосый, ясноглазый, румяный, моложавый, но как-то ненадежно моложавый. Перед ним, прямо на столе, возвышался огромный портфель. Субъект был погружен в раздумье.

Застрекотал телефон... Как приговоренный, субъект горестно вздохнул и поднял трубку:

– Алло.

В трубке засмеялись, а потом кто-то развязно спросил:

– Это фотография?

– Она самая, мужчина.

– Товарища Лепорелло можно к телефону?

Субъект за столом вытер пот со лба и сказал:

– Вы, видимо, просите соединить вас с Леппо Карловичем Релло? (В трубке молчали.)

А по какому вопросу, поинтересуюсь?

Голос в трубке. А – по личному.

Субъект. Но Леппо Карловича нету!.. У него совещание по багету, а прием по личным вопросам с двух до пяти на той неделе... Вас записать?

Голос в трубке. Странно. Я, например, занимаюсь личными вопросами три тысячелетия и все решить их не могу. А ему с двух до пяти достаточно!.. Может, он у нас не лакей, а гений?! (Голос захохотал, а потом добавил грубо.) Ну вот что, морда, передай ему, чтобы приходил к двум сегодня в ЦПКиО. Ждут его!

Гудки в трубке.

– Он... он, – застонал субъект.

Городской парк в два часа дня. Тусклое солнце висит над рекой, но нет прохлады от реки. Где-то играет музыка между чахлыми деревьями, и где-то, наверное,людно, празднично. Но здесь, в каком-то выморочном уголке парка, только пустая раскаленная асфальтовая площадка, и никого. Кому нужна эта бессмысленная площадка? Все устремились туда, в чахлые кущи, в тень. Здесь, на этой площадке, и появился человек. Он вышел на ходулях,

он был одет в камзол и длинный плащ, драпировавший его ходули. Но в тот субботний день такой наряд мог и не показаться странным, ибо в парке происходил карнавал. И действительно, человек на ходулях остановился, достал из-под плаща мегафон и равнодушно прокричал свои объявления: «В семнадцать тридцать на массовом поле откроется бал-маскарад «Юность твоя и моя». В двадцать часов на веранде танцев вечер из цикла «Разрешите с вами познакомиться». А в зеленом театре цирковое представление «Летние узоры». В это время с тележкой с мороженым показалась хорошенькая женщина. Она остановилась, взглянула на человека на ходулях и заулыбалась, как улыбаются при виде клоуна.

Человек *(с выражением добра и горя)*. Который час?

Женщина. Сорок минут.

Человек. Какого?

Женщина. Нашего... закрываемся... На маскараде работаете?... Что вы так на меня смотрите?

Человек. Не вспомнила меня?

Женщина. Что-то вертится. Голос у вас приятный, не резкий. Все орут, орут... А вы на саксе на веранде играете? Нет? Да!.. А-а-а! Вы – завпроизводством в пивбаре? Нет? Да? А-а-а! Вы в метро ко мне пристали... еще ввали, что дипломат в Алжире...

Человек. Солнце... Колонны, портик... ты прокралась в мою комнату – «легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала. Скромница, из-за нее ты мало боролась со мной».

Женщина *(завороженно)*. Мне снилось это...

Человек. Я люблю тебя.

Женщина. Это правда? Это правда?

Человек. В любви не бывает лжи. Любовь всего лишь пламя, и если от твоих слов оно разгорается – то это не ложь, а ароматные поленья, сухой хворост. *(Целует ее.)*

Женщина. А я ведь еще не старая? В меня ведь можно влюбиться? *(Она начинает катать перед собой тележку, повторяя.)* Я ведь еще не старая... в меня ведь можно влюбиться...

А человек на ходулях уже приковывал к новой женщине. Та шла неторопливо по аллее, читая на ходу книгу, когда он возник перед нею.

Женщина. Что вы так на меня смотрите?... Послушайте, меня раздражает ваш взгляд... банальный... наглый взгляд.

Человек. Не надо... Ты вспомнила... Сколько я тебя не видел?... Три тысячи лет... Луна над морем... Незамутненные ручьи... Бег фавна... А твой жадный детский рот...

Женщина. Боже, это мне снилось сегодня.

Человек. Я люблю тебя.

Женщина *(закрывая глаза)*. Еще... еще...

Человек. Я люблю тебя...

Женщина *(как в бреду)*. Истосковалась я... вот честное слово, просыпаться не хочется... Ведь вроде все есть. А иногда проснешься и думаешь: да пропади ты все пропадом...

Появляется уже несколько женщин. Они окружили человека на ходулях, а он, медленно двигаясь на своих ходулях и повторяя как заклинание: «Я люблю... тебя...», увлекает их всех за собой, как тот волшебный крысолов с волшебной дудочкой.

Бьют часы – семь. С последним ударом человек возвращается один, глядит на часы и произносит: «Однако». Тогда из-за дерева начинает выдвигаться тот самый субъект с портфелем. Он появился прежде, но прятался в тени деревьев, и вот теперь, нехотя и вздыхая, он выдвинулся вперед. Человек на ходулях посмотрел на него равнодушно.

Субъект (*угодно*). Наверно, трудно на ходулях, мужчина?

Человек. А сам попробуй.

Субъект. А зачем мне это? Мне, я так вам скажу, хлопот хватает и на своих двоих.

Человек. А на ходулях ходить полезно – выглядишь необычно и, что главное – повыше окружающих. А ведь живем-то в конечном итоге для этого, а? Что?

Субъект. Пустое вы сейчас сказали, мужчина. Я вам так отвечу: «Удивлять людей – штука неблагодарная, себя уморишь, а людей не удивишь» – пословица.

Человек. А ты пословицу свою...

Субъект. А чего это вы меня на «ты»?

Человек. Асам знаешь. (*Наклонился, шепчет.*) Знаешь, а, сукин сын?.. Лепорелло!

Субъект (*отступив, тоскливо*). Не знаю! Ничего я не знаю, мужчина! (*Кричит.*) И почему вы решили, что меня зовут Лепорелло?

Человек (*вдруг соскочил с ходулей и схватил Лепорелло за горло*). Дурака из меня делаешь!

Лепорелло (*истерически*). Я вас не знаю! Я просто пришел поглядеть из любопытства! Кто же это, думаю, мне звонит. Отпустите!

Человек (*шепчет*). Ты сразу понял, что звоню я, Лепорелло, а все-таки понадеялся: вдруг ошибочка... Но когда ты увидел мою голову, вознесенную к небесам, мое лицо – прекрасное, слегка постаревшее лицо...

Лепорелло. Попрошу держаться в рамках! И вообще, мужчина, вы о чем-то все говорите, а я вас не понимаю!.. (*Раздельно.*) Я заведу фотоателье. Я иду парком на совещание!.. Вам понятно? (*Жалостливо.*) Фотографировать – одни неприятности. Люди видят себя ну совершенно иными, чем они есть на самом деле. Брюнет к тебе с претензией, почему запечатлели чересчур темным, блондин – почему он вышел светлым, лысые хотят быть на фото с волосами, а толстые... – сумасшедший дом! Я пошел. (*Ион побежал.*) Отпустите! Я вас не знаю!

Человек догнал его в два прыжка.

Если вы у нас фотографировались, если у вас жалоба – предъявите квитанцию! Ну, где ваш квиток? Где? Нету! Значит, дел у вас ко мне никаких! И с приветом, Вася!

Человек (*не выпуская его*). Я очень постарел, я не похож на себя?

Лепорелло. Непохожи! Совсем непохожи! Я вас не помню. (*Кричит.*) Отпустите!

Человек. Ах, не помнишь! Сукин сын! А тысяча шестьсот тридцать второй год! (*Награждает его оплеухой.*) А река Гвадалквивир! Этот хрустальный рубеж между Севильей и Трианой ты тоже не помнишь? (*Оплеуха.*)

Лепорелло. О, как я жил! (*Стонет.*) Я жил без вас спокойно двести лет!

Человек. Смотри! Уже начал вспоминать. А Торребланка, где начиналась Севильская мостовая? (*Мечтательно.*) Запах апельсиновых деревьев... Забыл? (*Оплеуха.*) А Кармонские ворота? Сколько раз мы въезжали с тобою через них в Севилью! А вот пошли глухие речные улицы! Ты их тоже забыл, Лепорелло?! (*Оплеуха.*) Мы увезли туда с тобою в тысяча шестьсот сороковом году жену графа де Салданья. Реал де Монсарес... не помнишь? (*Лупит.*)

Лепорелло (*кричит*). Помню! И как вы проткнули на дуэли ее мужа! Все помню!

Человек (неловко). Разве?.. (Одушевляясь.) Какие у нее были ноги! Длинные, как лебе-
дины шеи... Такие ноги за три тысячи лет я видел только у Прекрасной Елены. (Элегиче-
ски.) А вот перед нами улица Лампады. Там мы увидели впервые маркизу де Тариф.

Лепорелло. Да, да... Кстати, ее мужа вы тоже... на дуэли...

Человек. Разве? (Воодушевляясь.) Ах, цвет ее кожи! Редчайший цвет паросского мрамора из древних каменоломен. Помнишь, как мы первый раз крались к ее дому? Час свидания! Мы двигались в самый страшный час для прохожих в Севилье... Кстати, какой час в Севилье считался самым страшным для прохожих?

Лепорелло (опомнился). Я не знаю, ничего я не знаю, мужчина! Я и не был ни в какой Севилье, я заведу фотоателье! У меня совещание по багету, а вы меня задерживаете. (Кричит.) Некорректно!

Человек (сопровождая оплеухами). Ну что же, мы не гордые, мы напомним. Самым страшным часом (бьет) для прохожих в Севилье (бьет) было десять часов вечера зимой (оплеуха) и одиннадцать часов ночи летом. В это время – что?

Лепорелло (стонет). Не надо меня бить...

Человек. В это время (лупит) разрешалось горожанам выливать помои из домов прямо на улицу. Ну, вспомнил? (Оплеуха.)

Лепорелло. Вспомнил, ну конечно, вспомнил.

Человек. Еще бы тебе забыть? Сколько дерьма осталось на наших плащах и шляпах, сколько раз мы стойко молчали, приставив к окну лестницу, когда сверху лилось... Но мы не смели проронить ни звука – честь женщины! О, ратный труд любви!

Лепорелло. Вспомнил! Все вспомнил, сударь!

Человек. Да, но все изменилось в Севилье! (С грустью.) И теперь уже не выльют тебе горшок на голову зимой в одиннадцать часов вечера... Иные времена, иные песни... Не так ли? Как ты думаешь на этот счет, Лепорелло?

Лепорелло (угодно). Так же, как и вы. Все изменилось, сударь.

Человек. Ой ли? А нравственность? Скажи, что ты о ней думаешь?

Лепорелло. Я, сударь, скажу смело: я думаю о нравственности и обо всем прочем – ну точно так же, как думаете вы!

Человек. Я просто не нарадуюсь на тебя... (Взяв его под руку.) Ездил я недавно на курорт: почки!.. И что я там вспомнил, как ты думаешь?

Лепорелло. Что?!

Человек. Как в двадцатом году до новой эры, две тысячи лет назад, я лечил... кстати, тоже почки... на грязевом курорте в Вайях. Ты вспомнил?

Лепорелло. Вспомнил! Все вспомнил!

Человек. Ну, кто там был тогда? Карлик Луций, молодой Агриппа Постум, Цицерон, конечно... Море, пляж... собирались у меня, беседовали, но эти разговоры, Лепорелло, меня просто выводили из себя. И я, помнится, тогда написал следующие стихи:

«Всякий готов обсудить здесь любую красотку,
Чтобы сказать под конец – я ведь и с ней ночевал!»

И вот через две тысячи лет я слышу точно такие же речи.

Лепорелло. Ужас! Ничего не изменилось.

Человек (возмущенно). То есть как?.. А изюм?

Лепорелло. Что?!

Человек. Изюм! В семнадцатом веке, если ты помнишь, я прикладывал к лицу изюм, чтобы цвет лица был посвежее. А сейчас оказалось, что все это была липа. Медицина это выяснила. И теперь я обхожусь без изюма. Отсюда можно заключить что, Лепорелло?

Лепорелло. Что все-таки многое изменилось, сударь.

Человек. Осталось совсем немножко тебя пошколить, и из тебя получится отличный слуга. А пока, Лепорелло, я так и не услышал от тебя, как меня зовут, и я огорчен! Ну, кто я? Я жду!

Лепорелло. Вы... вы... *(Он знает, что произнеси имя, и это конец.)* Я... у меня совещание...

Пытается убежать, человек схватил его.

Я позову на помощь! Отпустите сейчас же!

Человек. Зови! *(Дупит его.)* Ну, что же ты не зовешь? *(Новая оплеуха.)*

Лепорелло. Я вспомню, я все вспомню, и тогда вы меня отпустите?

Человек *(глухо).* Вспоминай, Лепорелло, я жду.

Лепорелло. Вы... вы... Я познакомился с вами... ну, например, триста двадцать лет тому назад...

Человек. Ну что же, действительно это было одно из наших с тобою знакомств.

Лепорелло. Вы носили тогда титул... вы были сыном сеньора Алонзо Хуфте Тенорио, и вас звали...

Человек. побыстрее, Лепорелло. *(Замахнулся.)*

Лепорелло. Дон Жуан!

Человек. Вот видишь, Лепорелло, ты вспомнил: в семнадцатом веке меня действительно звали Дон Жуан. А ты был кем? Моим?.. *(Замахивается.)*

Лепорелло. Вашим слугою!

Дон Жуан. И как тебя звали тогда, в семнадцатом веке?

Лепорелло. Лепорелло.

Дон Жуан. Вот видишь, как нехорошо. Ты притворяешься заведующим фотоателье Леппо Карловичем Релло, а на самом деле ты попросту Лепорелло, слуга Дон Жуана. Ай-яй-яй! Выходит, ты лгун, а еще хотел звать на помощь честных людей... Ну, ведь и это далеко не все... Мы встретились с тобой куда пораньше, а ну-ка вспоминай! *(Замахнулся.)*

Лепорелло. Вспомнил! Мы встретились с вами в тысяча двести седьмом году.

Дон Жуан. Действительно. Далее...

Лепорелло. И вас тогда звали граф Роберт Проклятый.

Дон Жуан. Было... Было...

Лепорелло. Вы соблазнили тогда Анну, монахиню из рода де Салданья. Излишне говорить, что ее отца, сеньора де Салданья, на дуэли...

Дон Жуан. Разве? Ах! Какая у нее была талия, Лепорелло! И вот этот переход от талии к бедру, благородная линия коринфской амфоры... Кстати, как тебя звали тогда, в тринадцатом веке?

Лепорелло *(после паузы).* Сганарель.

Дон Жуан. Ах, какой нехороший. Оказывается, ты имена меняешь, как перчатки, из века в век, а еще хочешь звать на помощь! Да! Но мы ведь и куда пораньше с тобою виделись... Не томи. *(Замахивается.)*

Лепорелло. В девятом веке вы были братом короля Альфонса.

Дон Жуан. Братом – короля!

Лепорелло. И вас звали Обри Бургундец.

Дон Жуан. И это было...

Лепорелло. Кроме прочих, вы соблазнили тогда герцогиню Изабеллу, ну, а ее мужа, герцога Гонзальво... излишне говорить...

Дон Жуан. Разве? (*Мечтательно.*) Изабель... Изабель... Как пахнут волосы у женщин! Можно забыть все, Лепорелло, но запах подушки после той ночи в восемьсот тридцать седьмом году в Бургундии – он навсегда со мною.

Лепорелло. Я хочу заметить, что этот герцог Гонзальво, муж Изабеллы, и был ваш первый Командор.

Дон Жуан. Что ты мелешь?

Лепорелло (*упрямо*). Герцог Гонзальво, командор ордена Калатравы!

Дон Жуан (*орет*). Заткнись!

Лепорелло (*увертывается от его оплеух, они бегают по сцене*). Сначала вы его проткнули на дуэли, потом ему поставили памятник в монастыре (*увертываясь*), и, помнится, как-то проходя мимо ограды, вы в шутку попросили памятник посетить спальню его супруги, где вы в ту ночь намеревались...

Дон Жуан (*бегая за ним*). Заткнись, олух!..

Лепорелло. Ну, почему же так, сударь? Вы сами просили все вспоминать... Некорректно!

Останавливаются оба и тяжело дышат. Дон Жуан держится рукой за сердце.

Так что уточняя: в девятом веке Командор был мужем герцогини Изабеллы, в тринадцатом веке Командор был отцом той монахини из рода Салданья, Анны... в семнадцатом веке Командор был то ли мужем... то ли отцом... я уж запутался... Стольких женщин вы соблазнили в семнадцатом веке...

Дон Жуан (*вновь бросаясь за Лепорелло*). Олух!

Лепорелло (*убегая*). Но я точно помню, что этот самый Командор во все века являлся к вам с кладбища и за руку утаскивал вас в преисподнюю.

Дон Жуан. Подлец! Ты! Ты! (*Поймал, бьет его.*)

Лепорелло визжит.

Прости! Нервы. Я хочу, чтобы мы побыстрее подошли к истокам нашей дружбы, а ты все – командор, не командор. Продолжим. Итак, мы миновали девятый век, и наконец о, Рим!

Лепорелло. Да! Я служил вам в Риме.

Дон Жуан. С двадцатого года до новой эры. И это было! О, беспощадная река времени... А как мы жили с тобой в Риме!

Лепорелло. Прямо скажу, неплохо, сударь! Шикарный дом у Аппиевой дороги... А сколько у вас было почитателей! Вы были тогда известным поэтом. Черт! Фамилия! Вот память!

Дон Жуан (*насмешливо*). Забыл! (*Замахнулся.*)

Лепорелло (*нехотя*). Овидий.

Дон Жуан. Ну вот, и это тебе пришлось вспомнить. «Рим! Цезаря форум, Весты храм хранит огонь... Вот Палладий – древнего Нумы дворец...»

Лепорелло. В Риме вы соблазнили то ли внучку императора Августа, то ли его дочку... Нет, их обеих. Помнится, кстати, их обеих звали – Юлия!

Дон Жуан. Разве? О, Юлия-младшая и Юлия-старшая!

Лепорелло. Кстати, их отца, императора Августа, вопреки своему обыкновению, вы не проткнули на дуэли. Напротив, он выслал вас в холодную Скифию... То ли за Юлию-старшую, то ли за Юлию-младшую, то ли за них обеих?..

Дон Жуан. Разве?.. О, божественная Юлия-младшая! Этот взгляд... А русалочья косинка... А прохладная нежность ладони... Агрудь... Помню все. Жаркий полдень, она

молча распустила пояс. (*Замолчал, грезит.*) «О, боги, чаще бы так проходили полудни мои...» Да, но мы пропустили восемнадцатый век, Лепорелло...

Лепорелло (*нехотя*). 5 восемнадцатом веке вас, естественно, звали Казанова, сударь.

Дон Жуан. Именно... А теперь, Лепорелло, осталась всего одна встреча, наша первая, начало – истоки, так сказать. Я жду: юность, цветущая юность!

Лепорелло (*хмуро*). Троя.

Дон Жуан. Великая Троя. О, как это все было давно! Три тысячи лет без малого! И как это было недавно. Юность! Порывы!.. Кстати, ты был тогда кем?

Лепорелло. Вашим слугою.

Дон Жуан. Моим рабом, лгун! И тебя звали как?

Лепорелло. Калатинион или Каталиной – кто как!

Дон Жуан. Вот видишь! Ты и раб к тому же! Да еще у тебя целых четыре фамилии! Ужас! А меня как звали тогда? Ну, побыстрее!

Лепорелло. Вас звали Парис – сын царя Приама.

Дон Жуан. Да! Это было мое первое явление в этом мире. О, высокие облака детства, сиреневая мгла в расщелинах гор, прозрачные ручьи и тяжкий грохот волн у изголовья! Как я был молод тогда и как я верил в жизнь... Я думал, что жизнь – это пир, где все время несут, несут... блюда.

Лепорелло. А как красивы вы были и куда только все подевалось? Ну, ясное дело, молодость. Когда я вас увидел в Трое, вам было лет двадцать?

Дон Жуан. Восемнадцать. Восемнадцать лет – бывает же такое!

Лепорелло. Кстати, сударь, сколько вам в этом веке?

Дон Жуан. Побольше.

Лепорелло (*мстительно*). А именно?

Дон Жуан. Видишь ли, мерзавец... с каждым столетием мне начисляется... За три тысячи лет набежало... Ну, сколько ты мне дашь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.